

стве «вослед Радищеву» и его преемникам в борьбе против крепостничества.

При сопоставлении критических замечаний к «Наказу» Радищева и Толстого, разумеется, нельзя не учитывать дистанцию времени, разные цели критического анализа и другие факторы. Радищев сомневается в объективной истинности тех или иных законоположений, которые рано или поздно «становятся обветшалыми, деятельность их мертвеет, права и обязанности становятся ненадежными» (III, 145). Это суждение целиком и полностью относится к декларативному «Наказу» Екатерины. Радищев озабочен реальным законодательством, обеспечивающим обязанности «правителей народных» во имя «блаженства народного». «...мы, опираясь на правила мудрыя сия владычицы, скажем, что в размножении народа видно благосостояние государства; но, как по изречению императрицы Екатерины, многие суть препятствия к размножению народа в России, то и нужно помышлять об отдалении оных препятствий и о средствах, размножение поощряющих» (III, 157—158).

Толстой оценивает каждую главу «Наказа» с точки зрения известных ему правовых норм,⁶ новых веяний в экономической и общественной жизни России. Он ведет с Екатериной заочный диалог. «Я думаю совершенно напротив, — спорит Толстой, — машины для рукоделий, внутри государства обращающихся, бесконечно полезнее машин для рукоделий вывозимых товаров. Ибо машины для рукоделий общепользных, сделав эти рукоделия много дешевле, улучшили бы состояния граждан вообще; между тем как вывозимые товары приносят выгоды только одним частным лицам».⁷

Среди «граждан вообще» Толстой выделяет родовую аристократию, которая «исчезает и уже почти исчезла по причине бедности». Толстой — за поощрение «благородных» к торговле. Он в отличие от Радищева еще считает необходимым оберегать их сословные интересы. Идея народовластия у Толстого («Народ же, когда имеет Верховную власть, не ошибется»⁸), имеющая, как и у Радищева, руссоистское происхождение, основанная на договорных началах («в Деспотии [нет] договора, посредством которого одно лицо имело бы право, а граждане обязанность, и наоборот»⁹), не подводила его к идее революции.

Толстой, анализируя XV главу «Наказа» — «О дворянстве», сравнивая ее с «Духом законов» Монтескье, отмечает новизну

⁶ Известно, что Л. Н. Толстой обратился к «Наказу» Екатерины для его сравнения с «Духом законов» Монтескье по предложению профессора гражданского права Д. И. Мейера, придерживавшегося республиканских взглядов, сочувствовавшего Белинскому, петрашевцам, см.: *Эйхенбаум Б. Лев Толстой*. (Семидесятые годы). Л., 1974, Приложение, с. 218—219; *Галаган Г. Л. Толстой и петрашевцы*. — Рус. лит., 1965, № 4, с. 137—148.

⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 46, с. 20.

⁸ Там же, с. 17.

⁹ Там же, с. 24.